

Земцовская Ярославна Васильевна

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В РОМАНЕ "КОЛЛЕКЦИОННАЯ ВЕЩЬ" ТИБОРА ФИШЕРА

Статья представляет собой анализ исторического времени романа современного английского писателя Тибора Фишера "Коллекционная вещь" в свете нового подхода к истории и её репрезентации в художественном произведении. Актуальность работы обуславливается недостаточной изученностью творчества Тибора Фишера, в особенности российскими исследователями, а также общим интересом современных писателей к вопросам истории, реальности и возможности их интерпретации в тексте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

нескольких фразеологических единиц в одном контексте может приводить к созданию блестящих по своему остроумию авторских афоризмов и практически непередаваемой игры слов. Часто наблюдается комбинирование нескольких приемов трансформаций, что вносит дополнительную экспрессию в контекст.

Список литературы

1. **Álvarez de la Granja M.** A manipulación das unidades fraseolóxicas // Madrygal. 1999. № 2. P. 31-40.
2. **Corpas Pastor G.** Manual de Fraseología Española. Madrid: Gredos, 1996. 337 p.
3. **CREA – Corpus de Referencia del Español Actual** [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.rae.es/creanet.html> (дата обращения: 17.01.2014).
4. **García-Page Sánchez M.** Introducción a la fraseología española. Barcelona: Antropos, 2008. 527 p.
5. **García-Page Sánchez M.** Sobre los procesos de deslexicalización en las expresiones fijas // Español Actual. 1989. № 52. P. 59-79.
6. **González Calvo J. M.** Fraseología y gramática // Actas VII Jornadas de Metodología y Didáctica de la Lengua Española: las Unidades Fraseológicas. Cáceres: Universidad de Extremadura, 2004. P. 81-100.
7. **Mena Martínez F.** En torno al concepto de desautomatización: aspectos básicos [Электронный ресурс]. URL: <http://www.um.es/tonosdigital/znum5/estudios/H-Edesautomatizacion.htm> (дата обращения: 25.02.2014).
8. **Naciscione A.** Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga: Latvian Academy of Cultura, 2001. 283 p.
9. **Zuluaga Ospina A.** La fijación fraseológica // Thesaurus XXX. 1975. № 2. P. 225-248.

DEAUTOMATIZATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SPANISH LANGUAGE

Zholobova Anna Olegovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga region) Federal University
anijola@yahoo.es

The article examines the conception of deautomatization and contextual transformations of the phraseological units, presents a brief survey of the works of Spanish linguists on the subject. On the basis of the examples from the National corpus of Spanish language the author identifies the specifics of the complex types of modifications: break, complete deformation, zeugma and also the combination of several methods of transformation.

Key words and phrases: phraseology; deautomatization; contextual transformations; a play on words; Spanish language.

УДК 82-313.1

Филологические науки

Статья представляет собой анализ исторического времени романа современного английского писателя Тибора Фишера «Коллекционная вещь» в свете нового подхода к истории и её репрезентации в художественном произведении. Актуальность работы обуславливается недостаточной изученностью творчества Тибора Фишера, в особенности российскими исследователями, а также общим интересом современных писателей к вопросам истории, реальности и возможности их интерпретации в тексте.

Ключевые слова и фразы: исторический дискурс; «отсутствующий объект»; симулякр; неофициальная история; проблема искусственности и подлинности; версия; «архипелаг историй».

Земцовская Ярославна Васильевна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
anvalsorya@mail.ru

**СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В РОМАНЕ
«КОЛЛЕКЦИОННАЯ ВЕЩЬ» ТИБОРА ФИШЕРА ©**

Третий роман современного английского писателя Тибора Фишера «Коллекционная вещь» («The Collector», 1997) отличается, в первую очередь, оригинальным повествователем, «глазами» которого мы обзораем запечатленную в произведении художественную модель реальности. «Летописцем» происходящих в романе событий выступает неодушевленный предмет – старинная ваза, повествующая о жизненных перипетиях своих многочисленных коллекционеров. Время появления вазы на свет датируется в романе примерно 840 г. до н.э., таким образом, ее рассказы выступают как своеобразная история человечества с точки зрения отстраненного наблюдателя.

Специфика такой репрезентации исторического прошлого продиктована новым подходом к историческому дискурсу, широко представленному в европейской философии и культуре, начиная со второй половины XX века. В эпоху постмодернизма возможность репрезентации прошлого с помощью исторических методов исследования становится не столь очевидной. Связано это, в первую очередь, с возросшим сомнением

в объективности накопленного исторической наукой фактического материала. По верному наблюдению современных исследователей, «граница между фактом и художественным вымыслом, которая когда-то казалась четкой, в постмодернистскую эпоху подвергается эрозии» [2, с. 68].

Следует также отметить, что, анализируя исторический дискурс, необходимо учитывать специфику исторического прошлого и возможность его репрезентации. Историк всегда исследует «отсутствующий объект», что позволяет показать не столько объективную картину прошлого, сколько его интерпретацию. История не может быть представлена в виде всеобъемлющей объективной картины реальности, а только в виде множества ее версий.

Новые тенденции в отношении к историческому дискурсу и проблеме реальности в целом наиболее ярко отразились в постмодернистском романе. В попытках репрезентации прошлого писатели-постмодернисты сознательно соединяют в своих произведениях демонстративно вымышленное и определенно историческое: «Открытое смещение вымысла и –факта» приводит к дискредитации познавательного приоритета прошлого» [1, с. 33]. К тому же, писатели-постмодернисты зачастую прибегают к изображению малоизвестных, непопулярных в официальной истории событий, тем самым пытаясь доказать, что все события прошлого являются историческими фактами, но не становятся общеизвестными, так как не отбираются, не рассказываются официальной историей: «Такой интерес к проигравшим в игре истории, неизбранным, пропущенным связан со стремлением преодолеть нашу пассивность и уязвимость перед лицом официальной истории, которая манипулирует фактами с целью утверждения власти» [Там же, с. 34].

Современная английская литература, в контексте которой создается роман Тибора Фишера «Коллекционная вещь», так или иначе, обращается к проблеме репрезентации прошлого. В частности, в таких романах как «Дети полуночи» Салмана Рушди, «Земля воды» Грэма Свифта, «Истрия мира в 10 ½ главах» Джулиана Барнса писатели пытаются показать возрастающее многообразие, открытость и множественность исторических нарративов как символов разрушения старого, «тотализирующего» и закрытого взгляда на историю.

Вслед за своими предшественниками Тибор Фишер в романе «Коллекционная вещь» подвергает сомнению фундаментальные основы историографии и реалистического искусства. Исследователь творчества Тибора Фишера Жан-Мишель Ганто (Jean-Michel Ganteau) в своей статье «Re-vision as Zapping: Tibor Fischer's The Collector Collector» [4] полагает, что роман «Коллекционная вещь» – это, в первую очередь, произведение о ложной и субъективной природе историографии как вида дискурса [Ibidem].

В романе, действительно, по большей части изображаются события прошлого, передаваемые читателю, как уже было сказано выше, с точки зрения древней вазы, которая выступает в романе в роли умудренного опытом историка. Своими воспоминаниями ваза мысленно делится с экспертом Розой, которая на время оценки взяла к себе домой уникальный предмет старины. С одной стороны, компетентность неодушевленного предмета в области истории и науки сомнительна. С другой, древняя ваза может оказаться более объективным «исследователем» прошлого: привилегированное положение неодушевленного предмета позволяет ей, не вмешиваясь, не внося изменений, быть непосредственным наблюдателем истории человечества тысячелетиями. Ваза оказывается хранилищем, вместилищем всего человеческого опыта, всех историй о мире: «Я – чаша. Полная чаша. С верхом. Чего только во мне нет! Одной злобы и зависти накопилось за тысячелетия столько, что, если бы Роза смогла сорвать с меня личину, разглядеть, что скрывается за потрескавшейся от времени глиной, – ослепла бы, лишилась рассудка» [3, с. 23]. Таким образом, уникальный исследователь в образе древней вазы, который наблюдает не «отсутствующий объект», а является непосредственным свидетелем творящейся истории, должен бы стать наилучшим летописцем всех знаменательных событий прошлого. Однако этого в романе не происходит. Рассказы древней вазы никоим образом не связаны с громкими событиями прошлого, а представляют собой скорее темные, минорные, тривиальные эпизоды неофициальной истории, которые наиболее точно отражают человеческую сущность, не меняющуюся тысячелетиями. Так, в ходе своих многочисленных размышлений умудренная ваза замечает, что «мировую историю можно постичь, выяснив, кто, где и когда вытирал пыль» [Там же, с. 207]. «Затхлый запах обыденности» [Там же] заполняет все пространство романа «Коллекционная вещь»; рефреном здесь звучит мысль о том, что в совокупности проигравших в этом мире подавляющее большинство, а история человечества – это не триумф победителей, а удел неудачников: «Жизнь – это не победа, не первое место, а борьба за третье» [Там же, с. 236].

Изредка в рассказах древней вазы все-таки мелькают такие события прошлого, которые могли бы стать объектами изучения официальной истории: наводнение, война, кругосветное путешествие. Но все они лишены какой-либо исторической конкретизации и представляют собой больше пародию на войну или любое другое серьезное историческое событие. Так, например, достаточно абсурдным выглядит описание войны в романе: «А война между тем продолжалась. Враждующие армии никак не могли встретиться... Иногда вырезались целые деревни, но делалось это без особой жестокости; случалось даже, пытали до смерти пленных, но лишь тогда, когда те слишком много знали» [Там же, с. 217-218]. Подобное описание военных действий выполнено в духе концепции симулякров Ж. Бодрийера и выглядит как тонкая ирония над манерой освещения событий в официальных СМИ, которые, используя тактику двойных стандартов, предлагают читателю или зрителю лишь эрзац реальности.

Единственная вставная новелла в романе с детальной датировкой событий и наличием конкретных имен повествует о любимом коллекционере вазы – Одиллии. Жизнь Одиллии приходится на девятнадцатое столетие, богатое историческими событиями, повлиявшими на дальнейшее развитие общества. Будучи достаточно образованной девушкой, Одиллия хорошо ориентировалась в веяниях своего времени и даже выпустила несколько серьезных научных трудов. Проблема Одиллии состояла в том, что как только она заканчивала писать

какую-нибудь очередную работу, в свет выходил практически идентичный труд под именем другого ученого. Таким образом, Одиллию опередили Чарльз Диккенс со своим романом «Оливер Твист», Фридрих Энгельс с «Положением рабочего класса в Англии в 1844 году», Гюстав Флобер с «Мадам Бовари», Чарльз Дарвин с теорией естественного отбора и другие всемирно известные писатели и ученые XIX века. Повествуя о перипетиях судьбы Одиллии, ваза, убежденная в превосходстве ее работ над всеми прочими, искренне огорчается из-за неудач своей любимицы: «Свой труд она отсылает в Лондон, где двумя неделями раньше в Линнеевском научном обществе обсуждается работа некоего мистера Чарльза Дарвина, где автор выдвигает теорию естественного отбора, теорию, которой, на мой взгляд, не хватает живости, непосредственности и чувства юмора – всего того, что отличает научные труды Одиллии» [Там же, с. 116]. Так иронично древняя ваза намекает на то, что в истории нет ничего уникального, а есть лишь проигравшие и победившие в отборе стать историей. «Победа» присуждается зачастую случайно, не основываясь на каких-либо конкретных критериях отбора.

Такая же случайность и хаотичность наблюдается, когда сама ваза отбирает истории, чтобы рассказать их эксперту Розе. Текст романа содержит в себе вереницу автономных историй, каждая из которых не имеет никаких предпосылок, предисловий и пояснений, начинается так же внезапно, как и заканчивается. Таков, например, неожиданный финал истории двух влюбленных, которым пришлось пройти много испытаний во имя своих чувств: и войну, и разлуку, и соперничество: «...впрочем, счастье молодоженов было недолгим – однажды ночью на деревню пролился дождь из замороженных игуан и уничтожил все живое» [Там же, с. 219]. Мелькание разнородных историй перед глазами читателя можно сравнить, по словам Жана-Мишеля Ганто, с переключением телевизионных каналов во время рекламы [4]. Совокупность бесчисленных составляющих роман новелл исследователь называет, используя термин Жюль Делёза, «архипелагом историй». Подобная организация текста призвана подтвердить тезис о том, что такого рода разобщенные островки смыслов и значений – и есть единственное доступное человеку и человечеству восприятие прошлого. Историография же как наука способна предложить лишь ложную субъективную картину произошедших событий.

Проблема искусственности и подлинности является одной из ключевых в романе и связана, в первую очередь, с непостоянством взаимоотношений модели-образца и копии. Так, в очередной новелле ваза повествует о том, как один молодой гончар сделал настолько хорошую копию вазы, что люди предпочли дубликат подлиннику. В романе часто возникают своего рода образы-перевертыши: грабитель кладбищенских грабителей, изнасилованный насильник, обманутый обманщик. В финальной вставной новелле ваза рассказывает о художнике Лукасе, который, путешествуя по морю в Китай, рисовал море и небо такими, какими они будут на следующий день. Первичность оригинала ставится под сомнение, подлиннику предпочитается копия. В такой системе ценностей познание реальности невозможно, так как действительный мир заменяется бесчисленными копиями и симулякрами.

В общем ключе постмодернистской репрезентации прошлого действительность представляется автору романа «Коллекционная вещь» как цепь бессвязных событий, не контролируемых ничем, кроме воли случая. Прошлое фрагментарно, непоследовательно, оно не поддается объективному познанию из-за своего отсутствия в настоящем. Прошлое может лишь подвергаться интерпретации, облекаясь в одну из исторических версий, обременённых ко всему прочему субъективной оценкой и воображением исследователя. Вместе с тем, в изображении автора тысячелетиями существующей на земле вазе мир представляется в виде коллекции человеческих носов, ушей, глупостей и пороков. Исторические события не имеют никакой важности, так как, сколь бы громкие дела ни совершались в мире, человеческая сущность всегда остается неизменной. С «высоты» вечности ваза так оценивает все, что происходит на земле: «Лично мне всегда казалось, что борьба в этом мире идет не между добром и злом, а между злом и злом, а чаще, увы, – между злом и злом и злом. Случалось – между злом и злом и злом и злом. Бывала я свидетелем и того, как сражаются между собой зло и зло и зло и зло и зло и зло и зло» [3, с. 169].

Список литературы

1. Колодинская Е. В. Историческое прошлое как предмет высказывания: современная англоязычная проза и постмодернистская историография (Г. Свифт, Дж. Барнс): дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 129 с.
2. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
3. Фишер Т. Коллекционная вещь / пер. с англ. А. Я. Ливерганта. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 302 с.
4. <http://oracle-reunion.pagesperso-orange.fr/documents/309.html> (дата обращения: 20.05.2014).

THE SPECIFICITY OF THE PAST REPRESENTATION IN TIBOR FISCHER'S NOVEL "THE COLLECTOR COLLECTOR"

Zemtsovskaya Yaroslavna Vasil'evna
Herzen State Pedagogical University of Russia
anvalsorya@mail.ru

In the article the author analyzes the historical time of the novel "The Collector Collector" by the modern English writer Tibor Fischer in the light of a new approach to history and its representation in a literary work. The topicality of the research is conditioned by insufficient state of knowledge of Tibor Fischer's creativity, particularly of Russian researchers, and by general interest of modern writers to the issues of history, reality and possibility of their interpretation in a text.

Key words and phrases: historical discourse; "missing object"; simulacrum; unofficial history; the problem of artificiality and authenticity; version; "archipelago of stories".